

V.

Какъ мы уже видели при разборѣ книжки "Мечты и звуки", свою литературную деятельность Некрасовъ началъ въ тонѣ вполне серьезномъ, далеко отъ шутки и юмора. Исключеніе составляетъ одна только юмористическая пьеса "Пиръ ведьмы":

Скачетъ ведьма на ухвате,
Едетъ чортъ на помехе...

За то съ 1840 г., после фіаско, постигшаго его первый сборникъ, Некрасовъ въ продолженіе целыхъ пяти летъ не напечаталъ, насколько намъ известно, ни одного серьезнаго лирическаго стихотворенія, и хотя стиховъ продолжалъ писать и печатать множество, но все это были - шутки, пародіи, обличительные куплеты. Мы уже пытались объяснить настроеніе поэта, обусловившее подобный характеръ его творчества за указанный періодъ. Нельзя отрицать, что эти сатирическіе опыты юнаго Некрасова отличались временами неподдельнымъ остроуміемъ; въ нихъ встречались едкія выходки, самый стихъ былъ легокъ и своеобразенъ. Вотъ, напримеръ, два маленькихъ отрывка изъ "Портретной Галлерей", впоследствии забракованной авторомъ и преданной забвенію:

I.

Онъ у насъ осьмое чудо -
У него завидный нравъ.
Неподкупень, какъ Іуда,
Храбръ и честенъ, какъ Фальстафъ.
Онъ съ татаринѣмъ - татаринъ,
Онъ съ евреемъ самъ еврей,
Онъ съ лакеемъ - важный баронъ,
Съ важнымъ бариномъ - лакей!

II.

Было года мне четыре,
Какъ отецъ сказалъ:
"Вздоръ, дитя мое, все въ міре,
Дело - капиталъ".
И советъ его премудрой
Не остался такъ:
У родителя на утро
Я укралъ пятакъ...

Большой фельетонъ въ стихахъ "Говорунъ",-- эта пустейшая болтовня пустейшаго героя обо всемъ, что только взбрѣдетъ въ голову,-- читается также безъ скуки, даже, пожалуй, съ некоторымъ удовольствіемъ; местами невольно думаешь: "сколько труда и искусства потрачено на подобный вздоръ"! Однако, Некрасову случалось уже касаться и более серьезныхъ темъ. Заслуживаетъ, напримеръ, вниманія сатира "Женщина, какихъ много".

Она росла среди перинъ, подушекъ,
Дворовыхъ девокъ, мамушекъ, старушекъ,
Подобострастныхъ, битыхъ и босыхъ...
Ее поддерживали съ уваженьемъ,
Ей ножки целовали съ восхищеньемъ
Въ избытке чувствъ почтительно-немыхъ...
Сложилась барышня, потомъ созрела
И стала на свободѣ жить безъ дела,
Невыразимо презирая светъ.
Она слыла девицей идеальной,
Имела взглядъ глубокой и печальный,
Сидела подъ окошкомъ по ночамъ

И на луну глядела неотвязно...
Болтала лихорадочно-несвязно,
Торжественно молчала по часамъ.
.....
И вдругъ пошла за барина простого,
За русака дебелаго, степного!
.....
На мужа негодую благородно,
Ему детей рожала ежегодно
И двойней разрешилась наконецъ,
Печальная, чувствительная Текла
Своихъ людей не безъ отрады секла;
Играла въ дурачки до петуховъ,
Гусями занималась да скотиной,--
И было въ ней передъ ея кончиной
Безъ малаго четырнадцать пудовъ...

Передъ читателемъ - характерный типъ провинціальной барыня крепостной эпохи; въ этомъ портрете каждый штрихъ дышитъ жизнью и правдой. Одинъ только заключительный, явно утрированный стихъ неприятно режетъ ухо. Къ сожаленію, находится сказать, что такого рода шаржъ не есть случайное явите въ юношескихъ сатирахъ Некрасова, и, напримеръ, въ ущипнутомъ выше стихотвореніи "Было года мне четыре*" онъ принимаетъ даже прямо чудовищные размеры: у героя пьесы умираетъ отецъ...

Я не вынесъ тяжкой раны,
Я на трупъ упалъ
И, обшаривъ все карманы,
Горько зарыдалъ,--

зарыдалъ не объ утрате отца, а о томъ, что карманы его оказались пустыми...

Не этими, однако, частными недостатками обуславливалось ничтожное значеніе некрасовской сатиры ранняго періода. Важнее было то, что для читателя все время оставалось неяснымъ, во имя какой общей идеи она осмеиваетъ и вышучиваетъ людскія слабости и пороки; это было именно только вышучиванье, а не грозная, бичующая сатира, одушевленная (какъ позже, напримеръ, въ "Размышленіяхъ у параднаго подъезда") чувствомъ гражданскаго негодования, согретая искренней скорбью о торжестве зла и неправды. Такой сатиры мы не видимъ даже и въ столь восхитившемъ въ свое время Белинскаго "Чиновнике" или въ "Современной оде", которою открывается обыкновенно собраніе некрасовскихъ стихотвореній... Пьесы это несомненно талантливия; въ общей концепціи ихъ видна уже рука искуснаго мастера; отдельные стихи поражаютъ силой, оригинальностью и легко остаются въ памяти,-- но, за всемъ темъ, "Чиновникъ" и "Современная ода" не сатиры въ настоящемъ значеніи слова, а лишь хорошія обличительныя стихотворенія: въ нихъ нетъ еще главнаго - поэзіи...

Погоня за насущнымъ кускомъ хлеба, спешность работы, привычка глядеть на себя, какъ на чернорабочаго отъ литературы, съ котораго и спрашивать много нечего, низводитъ въ эту пору Некрасова, при всемъ его таланте, до уровня писателя-ремесленника, который унижался до такихъ, напримеръ, "пародій":

И скучно, и грустно!.. И некого въ карты надуть
Въ минуту карманной невзгоды.
Жена?.. Но что пользы жену обмануть -
Ведь ей же отдашь на расходы.

Но уже близился глубокой внутренней переломъ. Къ середине 40-хъ годовъ Некрасовъ пересталъ терпеть острую, доходившую до нищеты, нужду; у него уже составилось некоторое литературное имя,-- теперь легче было доставать работу, легче было и бороться съ кулаками-редакторами и издателями. Явился сравнительный досугъ - и съ нимъ возможность серьезно

думать и работать. Въ этотъ-то благопріятный моментъ Некрасовъ и сблизился съ Белинскимъ, услышалъ его страстную, полную зажигающаго убѣжденія, проповѣдь... Общая идея, по которой все время тосковала душа будущаго печальника горя народнаго и отсутствіе которой такъ плачевно отзывалось на его произведеніяхъ, была отыскана, формулирована. Какъ горячій солнечный лучъ, упала она въ дремавшую душу поэта, осветила и разбудила къ жизни могучія природныя силы. Некрасовъ нашель, наконецъ, свое призваніе, свою музу, ту "блѣдную, въ крови, кнотомъ иссеченную музу", на которую, по его, собственному выраженію, "не русскій взглянетъ безъ любви"... Появилось знаменитое стихотвореніе "Въ дороге", нечто неслыханное до техъ поръ, какъ по форме, такъ и по содержанию.

Начало народнической струи въ русской литературѣ принято обыкновенно связывать съ "Деревней" и "Антономъ Горемыкой" Григоровича, но съ несравненно большимъ правомъ могло бы претендовать на такую роль стихотвореніе Некрасова, раньше напечатанное и, къ тому же, талантливѣе выразившее новую идею. Известный критикъ Аполлонъ Григорьевъ очень долго отрицавшій въ Некрасове всякій поэтическій талантъ, признавался впоследствии, что пьеса "Въ дороге" *ударила по сердцамъ съ неведомою силой*... По его словамъ, она совместила въ одну поэтическую форму целую эпоху прошедшаго, забросила сети и въ будущее; въ ней не подделка подъ народную речъ, а речъ человека изъ народа,-- съ народнымъ сердцемъ, закала Кольцова.. Даже враждебный Некрасову Эдельсонъ, видевшій, наоборотъ, въ этомъ стихотвореніи фальшивую народную речъ, признавалъ нарисованное Некрасовымъ положеніе трогательнымъ и вызывающимъ сильное впечатленіе, "гуманное по своей сущности". Мненіе Белинскаго мы уже знаемъ. Но если такъ встречено было стихотвореніе Некрасова литературной критикой, то читателями середины сороковыхъ годовъ оно принято было, какъ настоящее откровеніе... И удивительнаго тутъ ничего нѣтъ, если даже и теперь, когда мрачная эпоха рабства отошла въ область преданія, и русскимъ обществомъ такъ много пережито съ техъ поръ, "Въ дороге" все еще производитъ неотразимо-глубокое впечатленіе. Очевидно, поэту удалось затронуть живой, до сихъ поръ еще болезненный, нервъ... То новое, чѣмъ было поражено здѣсь воображеніе общества, заключалось не только въ изображеніи новой (крестьянской) среды, не только въ мысли о томъ, что и мужики те же люди съ живой, способной страдать отъ притесненій душою: рядомъ съ картиною огромнаго общественнаго зла, передъ читателемъ пріоткрывался душевный міръ интеллигентнаго человека, который чувствовалъ себя къ этому злу прикосновеннымъ.

- Скучно! Скучно!.. Ямщикъ удалой
Разгони чѣмъ-нибудь мою скуку,--
Песню, что-ли, пріятель запой
Про рекрутскій наборъ и разлуку,--

уже этотъ начальный аккордъ, сразу дававшій почувствовать, что проезжаго барина грызеть не простая скука, а - тоска, ищущая отрады въ сближеніи съ народнымъ горемъ, долженъ былъ электрическимъ токомъ проходить по душе современнаго читателя.

- Ну, довольно, ямщикъ, разогналь!
Ты мою неотвязную скуку!--

саркастически прерываетъ баринъ грустный разговоръ ямщика,-- и какъ много сказано въ этихъ двухъ коротенькихъ желчныхъ строчкахъ, заканчивающихъ пьесу! Несколько позже, въ стихотвореніи "Въ деревне" у Некрасова прорывается та же горестная нота:

Плачетъ старуха... *А мне что за дело!*
Что и жалеть, коли нечѣмъ помочь?

За видимой злостью слышится здѣсь тотъ-же стонъ человека, силещагося заглушить червяка беспокойной совести; это какъ бы первый напекъ на то великое душевное смятеніе,-- "больную совесть кающагося дворянина",-- которое съ такой яркостью и силой выражено было во многихъ позднейшихъ стихотвореніяхъ Некрасова.

Новое настроеніе, охватившее Некрасова, не было чѣмъ-то случайнымъ, мимолетнымъ: почти одновременно съ пьесой "Въ дороге", въ промежутокъ какихъ-нибудь полутора летъ

(1845--1846), имъ было написано более десятка замечательныхъ, проникнутыхъ однимъ и темъ же духомъ, стихотвореній, въ которыхъ въ миниатюре отражалась какъ бы вся некрасовская поэзія, намечались почти все главные мотивы, подробно развитые и разработанные имъ впоследствии {"Тройка", "Огородникъ", "Псовая охота", "Родина", "Въ неведомой глуши", "Пьяница", "Отрадно видетъ", "Старушке", "Когда изъ мрака заблужденья", "Передъ дождемъ", "Секретъ"}.

Въ "Тройке", "Огороднике", "Псовой охоте" и "Родине" передъ нами проходятъ яркія картины жизни деревенской крепостной Росіи. Героиня "Тройки", въ сущности, та-же Груша (Въ дороге); въ судьбе этихъ двухъ молодыхъ женщинъ, также какъ и въ несчастномъ романе огородника, поэтъ раскрываетъ все безобразіе рабскихъ понятій о белой и черной кости, разделенныхъ непроходимой пропастью сословныхъ предразсудковъ. Живой человеческой души, по этимъ понятіямъ, нѣтъ; безъ жалости и безъ пощады приносится она въ жертву интересамъ кастовой выгоды и такъ называемой чести. Мрачное, влобное міровоззрѣніе, отравляющее кругомъ себя атмосферу и развращающее мысль и чувство всехъ, кто приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе,-- одинаково раба, какъ и рабовладельца!

Но уже въ эту раннюю пору, когда Некрасовъ впервые отдался захватившей его волне новыхъ мыслей и чувствъ, вопросъ обновленія "старого міра" представлялся ему въ очень широкихъ рамкахъ; онъ видѣлъ зло не въ одномъ только крепостномъ правѣ и являлся защитникомъ отнюдь не одного крестьянскаго сословія, а всехъ оскорбленныхъ, всехъ обездоленныхъ.

Сгораешь злобой тайною...
На скудный твой нарядъ
Съ насмешкой не случайно
Все, кажется, глядятъ.
Все, что во сне мерещится,
Какъ-будто бы на зло
Въ глаза вотъ такъ и мечется,
Роскошно и светло!
Все поводъ къ искушенію.
Все дразнить и язвить
И руку къ преступленію
Нетвердую манить.
Ахъ! если бъ часть ничтожную!
Старушку полечить...
Но мгла отвсюду черная
Навстречу бедняку...
Одна открыта торная
Дорога къ кабаку!

Такъ рисуетъ поэтъ въ стихотвореніи "Пьяница" душевное состояніе бедняка, озлобленнаго зрелищемъ несправедливыхъ общественныхъ контрастовъ. Какъ и въ другомъ стихотвореніи того же періода - "Отрадно видетъ, что находитъ порой хандра и на глупца", мы впервые встречаемъ здесь характерную и оригинальную ноту некрасовской поэзіи, ноту злобы, той "злобы тайной", которая терзаетъ сердце приниженаго человека, составляя мучительную отраду его безпросветнаго существованія.

Обливъ "неласковой и нелюбимой мувы", "печальной спутницы печальныхъ бедняковъ, рожденныхъ для труда, страданья и оковъ", вырисовывается передъ нами уже въ резко определенныхъ, своеобразныхъ очертаніяхъ.

Со всей силой возмущеннаго чувства протестуетъ поэтъ противъ "безсмысленнаго мненія" толпы, "пустой и лживой", безсильно стонущей въ тискахъ нужды и горя и въ то же время готовой клеймить презрѣніемъ всякаго, кто въ жизненной борьбѣ является не палачомъ, а жертвой. Стихотвореніе "Когда изъ мрака заблужденья" (даже на взглядъ наиболее враждебныхъ Некрасову критиковъ - "просто превосходное") было чуть-ли не первой въ русской литературѣ реабилитаціей падшей подъ гнетомъ нищеты и несчастій женщины.

Приблизительно въ то же время было написано и одобренное Белинскимъ стихотвореніе "Старушке", направленное вообще противъ "моральнаго вздора" опутавшихъ общество условій и предрасудковъ, отнимающихъ у него долю возможнаго счастья. Пьеса не была, однако, включена авторомъ ни въ одно изданіе его стихотвореній, да и въ журнале появилась не за полной подписью. Причина понятна: въ смысле обработки сюжета "Старушка" оставляетъ желать очень многаго {Напечатано въ августовской книжке "Отеч. Зап. за 1845 годъ.

Когда еще твой локонъ длинный
Вился надъ розовой щекой,
И я былъ юноша невинный,
Чистосердечный и пустой,--
Ты помнишь: кой-о-чемъ мечтали
Съ тобою мы по вечерамъ,
И не забыла ты - давали
Свободу полную глазамъ.
И много высказалось взоромъ
Желаній тайныхъ, тайныхъ думъ;
Но победилъ моральнымъ вздоромъ
Въ насъ сердце искаженный умъ.
И разошлись мы полюбовно,
И страсть рассеялась, какъ дымъ...
И чрезъ полжизни хладнокровно
Опять сошлись мы - и хранимъ
Молчанье тягостное...
Такъ-то!
Когда-бъ къ избытку силъ младыхъ
Побольше разума и такта (?) -
Не такъ бы вяль и горько-тихъ
Былъ часъ случайной поздней встречи.
Не такъ бы сжала насъ печаль,
Иной тоской звучали-бъ речи,
Иначе было-бъ жизни жаль...

15 мая 1846 г. Н. Н - въ.}. Объясняется это, быть можетъ, темъ, что тема стихотворенія, хотя и вполне реальная, не была подсказана Некрасову лично пережитымъ чувствомъ: ведь поэту было всего 23 года... Могучій лиризмъ Некрасова - и онъ самъ прекрасно чувствовалъ это - получалъ настоящій размахъ только въ техъ случаяхъ, когда вдохновлялся живой, конкретной действительностью.

Таково оригинальное и сложное содержаніе стихотвореній Некрасова, появившихся въ 1845--46 году и несомненно глубоко поразившихъ современнаго читателя. Очевидно, новые мысли и чувства бурей прошли по душе поэта, заставивъ зазвучать сразу все ея струны...

Ощутивъ и сознавъ кровную связь съ роднымъ народомъ, Некрасовъ сразу нашелъ все нужныя краски и для изображенія родной природы. Какъ пейзажистъ, уже въ 1846 году онъ является передъ нами съ своей особенной, ни на кого другого не похожей манерой.

Сторожъ вкругъ дома господскаго ходить,
Злобно зеваетъ и въ доску колотить.
Мракомъ задернуты небо и даль,
Ветеръ осенній наводитъ печаль;
По небу тучи *угрюмыя* гонить,
По полю листья - и жалобно стонеть...
Стало светать.
Чудная даль открывается взору:
Речка внизу, подъ горою, бежить,
Инеемъ зелень долины блеститъ,
А за долиной, *слегка беловатой*,
Лесь, освещенный *зарей полосатой*..

.....
Падаеть сизый туманъ на долину,
Красное солнце *зашло вполонину*,
И показался съ другой стороны
Очеркъ безжизненно-бледной луны...
Въ поле, завидевъ табунъ лошадей,
Ржетъ жеребецъ подъ однимъ изъ псарей...

Заунывный ветеръ гонить
Стаи тучъ на край небесъ,
Ель *надломленная* стонеть,
Глухо шепчетъ темный лесъ.
На ручей, *рябой и пестрый*,
За листкомъ лежить листокъ,
И струей *сухой и острой*
Набегаеть холодокъ.
Полумракъ на все ложится;
Налетевъ со всехъ сторонъ,
Съ крикомъ въ воздухе кружится
Стая галокъ и воронъ.
Надъ проезжей таратайкой
Спущень верхъ, передъ закрыть;
И "пошель" - привставъ съ нагайкой.
Ямщику деньщикъ кричить...

Конечно, такого рода описаній природы нетъ ни у Жуковского, ни у Пушкина съ Лермонтовымъ, ни даже у Кольцова. Все это очень мало походить на "Краснымъ полымемъ варя вспыхнула", или: "Въ небесахъ торжественно и чудно"... Краски Некрасова буднично-серы, образы удивительно-просты, прозаически реальны; отдельные углы рисуемой имъ картины кажутся порой грубыми и неэстетичными... И, однако, странное дело: читатель чувствуетъ себя захваченныхъ, покоренныхъ этой серой, но бесконечно-малой красотою севернаго пейзажа; родная природа живетъ и дышетъ передъ его глазами, и невольно хочется воскликнуть: "Здесь русскій духъ, здесь Русью пахнетъ"!...